

«Не умеем одеваться» . Фрагмент семинара о выборе одежды как коммуникативной практике

«Можно ли коротко обозначить причины столь высокого статуса японской нации?» – «Чистота как ключевое ощущение и потребность культуры»

Участники дискуссии – сотрудники Центра социального проектирования “Платформа”. Тема задана Дмитрием Серёгиным.

– Вот в Токио умеют одеваться, а у нас нет. В Токио носят вещи легко, почти безалаберно – в смысле внешне, хотя за этим видны продуманность и вкус. А у нас запор воображения, который равно отражается и в выражении лица, и в манере одеваться.

Почему так? Конечно, это свобода, но не только; это еще и особый талант счастья, которым вообще отличается Япония. На мой взгляд. Но это не исключает того, что их умение – плод долгого обучения и постоянных репетиций, как в любом сценическом искусстве.

Включишь канал NHK – наткнёшься на передачку, где учат одеваться в самых разных стилях и самых разных людей, включая гайкокудзинов (иностранцев, живущих в Японии). Этому уделяется очень много внимания.

Как одеваться? Ответы постоянно перед глазами. Об этом всё время судачат, друг у друга выглядывая всякие мелкие изобретения. И так с детского сада. В результате в голове у японского школьника к окончанию средней ступени – цветной салат: накрошено много чего всякого, но задана общая идея комбинаторики. Своего рода алгебраическая формула “вида на себя” – с рядом переменных и с эластичной областью определения

для каждой из них.

Можно одеться миллионом способов, и ясно, где и как это сделать, и понятно, что за образ в результате построится, потому что за каждой деталью образа закреплён тут же считываемое, хотя и расплывчатое значение. Итог – каждый одет по-своему и, как правило, со вкусом, не выходящим за рамки пристойного.

Невозможно этому подражать, не имея за плечами сравнимого опыта наблюдений на темы одежды, а в сознании – соответствующей “алгебры”. И, кстати, разговор вовсе не об экстремальной моде, а просто об улицах Токио в пределах кольцевой линии Яманотэ.

Российский образованный человек, пожалуй, тут вдумчиво спросит: а не объясняется ли такой лихорадочный поиск индивидуальности в одежде полным отсутствием индивидуальности внутри? На мой взгляд, не объясняется. Так же как наша принуждённость и томительная монотонность в одежде не объясняется присутствием выдающейся личности в каждом гражданине.

– А мне не раз интеллектуальные друзья в Европе говорили, что, по их понятиям, уделять большое внимание одежде – это признак варварства. В пример приводили нынешнюю Англию, где за одеждой почти не следят, поэтому англичане, мол, более продвинутые, чем французы, ну и, разумеется, итальянцы. Но в Европе это позиция – не обращать внимания на одежду.

Вот, кстати, забавный эпизод из Дюссельдорфа, где находится одна из самых больших японских диаспор в Европе. В магазине «Луи Вуиттон» была колоссальная очередь из японцев, которые сгребали женские сумочки. Отчасти это объяснялось синдромом подорожавшей иены, но, согласитесь, о вкусе тоже не говорит. Вообще ведь все эти брендовые европейские магазины рассчитаны на Восточную Европу и Азию, европейский интеллигент пойдёт скорее на барахолку.

В отличие от европейцев, русские стремятся хорошо одеться, но получается плохо. Действительно, почему?

– **Блажен тот, кто с детства, без мытарств, понял, что главное – look, облик.** Текстиль здесь вторичен, первична наружность. Однако, раз мы въехали в японский кейс без обобщающей предмет преамбулы, останусь в пределах чтимого оратором Яманотэ.

Как бы нам разобраться в том, что они ищут и находят? Индивидуальность или новую коллективность, сопричастность? Каково соотношение игры в бренды – и поиска стиля как достойного цветового пятна и пропорций? В каком отношении хорош диктат вкуса? Все-таки ты – это то, что ты любишь, или ты – это то, что ты есть? **При какой из крайностей быстрее скажешь: “мне скучно, бес?”**

– У нас принято понимать манеру одеваться через «самовыражение». Настолько принято, что прямо до репрессии в голосе: «Ну и что ты этим хочешь сказать?» То есть одежду понимают по аналогии с высказыванием. Вот, мол, человек живёт в своём внутреннем мире, а вот он начинает выражаться, и одним из производимых им высказываний о себе является одежда. Непререкаемо.

В этой унылой парадигме и рождается мрачная монотонность российской манеры одеваться. Потому что ведь, что же такого можно «выразить» у нас внутри? «Внутренний мир» – довольно сумрачная типовая комнатуха. Это хотя и реальность, но бедная и серая, составленная из текущих, как лужа, мыслей ни о чём или о том, что пережёвывается изо дня в день, всё это перемешано с повторяющимися как заведённые эмоциями, воспоминаниями и вечно похожим на недопроявленную фотографию воображением.

Настоящая действительность уж точно побогаче «внутреннего мира»: она не в кружочке я, а в цветном шаре всего на свете. И одежду, которую мы на себя натягиваем, можно понимать как примеривание мира, в смысле ещё одного эксперимента по

проецированию на себя одной из цветных пропорций действительности. Вовсе при этом не выражая «себя», в котором нечего выражать. Бабочки ведь не думают выражать себя. Или пионы. Они просто часть мирового свечения и сверкания. В общем, одежда может пониматься как способ зачерпнуть из мира счастья и напиться. В России это не принято.

– **Ага. К вопросу умений. Ждём аналогичных рассуждений.** На темы: не умеем строить, не умеем создавать нацкухню, не умеем отдыхать. Не формат, а гумус!

– **Не умеем и не научимся.** Потому что учиться – значит подражать. А тут все дело – в свободном и легкомысленном изобретении. Хотя, если вспомнить, и у русских есть к нему задатки. Я имею в виду враньё. Ведь враньё и есть свободное и легкомысленное изобретение (будем отличать его от мрачной лжи). Перевести наше русское враньё в цвета и формы одежды – и выйдет то, что надо!

– **У нас всё несколько иначе.** За последние годы возникла очень сильная регионализация моды. Но это скорее не стиль, а как в средневековье – некое отличие своих от чужих. В Туле, например, девушки недавно носили, а может, и сейчас носят береты... Какой-то отзвук 30-х годов. В Самаре девушки, в зависимости от материального и социального статуса носят из песца шапку, воротник, а если уж совсем круто, то и шубу песцовую. В Смоленске же вот уже несколько лет там держится особый стиль. Девушки даже в мороз носят юбки, которые заканчиваются там, где начинаются трусы. И не только девушки, но и женщины среднего возраста. Это, конечно, поражает. Разбитые, нечищенные тротуары. Снег. Холод. И голые ноги в фиолетовых капроновых колготках на высоких шпильках. падающую сосульку. Есть там и второй тип девушек – в куртках с увеличенными плечами. Почему вдруг такая реплика из 80-х? Когда они шли с подругами, я всё время принимал их за парней. И только ширина бёдер в конце концов ставила всё на место и позволяла определить их пол. В Костроме девушки отличаются от

смоленских только одной особенностью – они часто и юбки не одевают на полупрозрачные лосины... Попадаешь в любой из этих городов, и по одежде тебя тут же определяют: “Чу-жой!” А парни нигде не запоминаются. Они просто в сером и незаметны, когда не пьяны.

– **К тому же нюанс в том, что нас отличает от насквозь лживой Азии.** У нас враньё носит деструктивный характер, поскольку обращено на себя.

– **А откуда убеждение о «насквозь лживой Азии»?** К Японии, в частности, это совсем не подходит. Уклончивость японского языка – это не лживость, а отрицание категоричности в принципе, что является своего рода честностью, так как исходит из признания изменчивости и является данью вежливости по отношению к собеседнику, потому что человек, которому отказали, считался «потерявшим лицо» независимо от того, в чём именно отказано. Японцы, вместо того чтобы врать, предпочитают, говоря, вообще ничего не сказать. Врать в лицо они не умеют. Кстати, вот то, чего не умеют японцы.

– **Мы не берём буколические деревеньки, где мифические культурные хромосомы Конфуция будто бы живут в народе.** В интеракциях с белым незнакомцем 9 из 10 азиатов (индусов, тайцев, китайцев) стремятся к обману. Это, может, и первичный пласт их личной реальности, но его мы, в соответствии с добрыми традициями не делим на внешнее и внутреннее, относим к составляющей личности. Когда его вытащишь из ритуала и большой семьи окружения, то сразу начинается история про мальчика и волка. В этом смысле не культура сильнее и шире этики, а этика обнаруживает границы культуры, меряет их. Поэтому японцев мы имеем право судить по всей строгости христианской морали.

– **Конфуций никогда и не имел в виду всякую сяо жень (в приблизительном переводе – “сволочь”).** В конфуцианской культуре фигурируют отдельные воспитанные индивидуумы. Но ладно, это идеал. Но вы говорите о «суде над японцами по

нормам христианской морали». Тут остаётся высказаться прямо: по чистоте отношения к жизни (включая сюда и отвращение ко лжи) японская нация выше любого из христианских народов.

– Можно ли коротко обозначить причины столь высокого статуса японской нации?

– Чистота – как ключевое ощущение и потребность культуры Японии. Я думаю, это. Когда они не на работе, то одеваются в цвета прибоа, бамбука и неона. Потому что мир – это сила и радость, во всяком случае пока он по-прежнему разбухает, не имея ничего сильнее себя.

– Ваши последние слова (о набухании мира) заставили вспомнить грустные строчки Пауля Целана:

«Тепло становится на свете, и мёртвые набухают и расцветают».